

Фазитуллин!

Толстый, приземистый человек в черной стеганой куртке с капюшоном, с недовольно поджатыми мясистыми губами и маленькими острыми глазками заглянул в мусорный контейнер и снова заорал в пространство:

— Фазитуллин! Фазитуллин! Где тебя черти носят?

Тут же из-за угла дома появился долговязый смуглый тип в ватнике и высоких сапогах, с блином примятой кепки на голове. В руках у него была растрепанная метла.

— Я тут, Бориса Борисовича! — отозвался он на оклик начальника. — Как вы велели...

— Почему тебя вечно не дозовешься? Ты вообще чем занят? — набросился на него толстяк.

— Уборкой придомовой тер... территории! — произнес тот заученную фразу. — Как вы велели...

При этом он взглянул на метлу, как бы ожидая от нее подтверждения своих слов.

— Как вы велели! — передразнил его начальник. — Я, по-твоему, кто — управляющий ТСЖ или попугай дрессированный?

— Управляющий, — ответил Фазитуллин после недолгого, но напряженного раздумья.

— Значит, если я вывесил распоряжение, его надо неукоснительно исполнять, или как?

— Исполнять, Бориса Борисовича!

— А вот что тут напечатано? — строго спросил Борис Борисович и показал на приклеенную к контейнеру листовку.

Фазитуллин уставился на листовку, от усердия выпучив глаза, потом развел руками и смущенно проговорил:

— Мелко, однако, написано... не могу разбирать...

Борис Борисович увлекался листовками. Он старательно сочинял их, печатал на принтере и развешивал везде, где только можно. Это были инструкции по сортировке мусора и по пользованию лифтом во время стихийного бедствия, списки злостных должников по коммунальным платежам, запрещения выгуливать собак на газонах и в других недозволенных местах, а также производить шумные работы по выходным и по государственным праздникам.

Запрещения были обычные, строгие и особо строгие. Борис Борисович искренне считал, что чем больше таких листовок он развесил и чем строже эти листовки — тем лучше и успешнее его работа в качестве управляющего.

Несчастный Фазитуллин плохо читал по-русски и старался просто заучить содержание листовок, но их было слишком много, а память у него была уже не слишком хорошая.

— С кем работать приходится! — вздохнул управляющий. — Тут, Фазитуллин, русским по белому написано, что контейнер предназначен исключи-

тельно для мелкого бытового мусора, а бросать в него крупногабаритные предметы, и особенно строительный мусор, строго запрещено.

— Так точно, Бориса Борисовича, запрещено! — отчеканил Фазитуллин, преданно глядя на управляющего.

— А это тогда что?

Фазитуллин заглянул в мусорный контейнер и увидел там большой черный мешок.

— Мешок, — честно сообщил Фазитуллин.

— Без тебя вижу, что мешок! — рявкнул управляющий. — А что в этом мешке?

— Не могу знать!

— Не могу знать! Но видно же, что там не мелкий бытовой мусор, а крупногабаритный предмет. А может быть, даже строительный мусор. Как же ты, Фазитуллин, не уследил за жильцами? Как же ты допустил нарушение габаритов?

— Виноват, Бориса Борисовича!

— Виноват! — передразнил его управляющий. — Раз не уследил, значит, сам теперь с этим мешком разбирайся!

Фазитуллин перегнулся через край контейнера и опасно ткнул в край мешка. В этом месте мешок немного прорвался, и в разрыве было видно что-то розовато-белое.

Фазитуллин немного расширил разрыв... и отскочил от контейнера с испуганным лицом.

— Ты чего, Фазитуллин, скачешь тут, как заяц? — строго проговорил управляющий. — Что это у тебя такое лицо, будто ты пожарного инспектора увидел?

— Не инспектора, Бориса Борисовича! — пролепетал Фазитуллин дрожащим голосом.

— А кого? — Борис Борисович хотел, чтобы этот вопрос прозвучал насмешливо, но дрожащий голос Фазитуллина и его побелевшее лицо настроили его на серьезный лад.

— Там баба, Бориса Борисовича! — едва слышно проговорил Фазитуллин. — Голая и мертвая...

— Ты ничего не перепутал, Фазитуллин?

Прежде чем Фазитуллин подтвердил свои слова, Борис Борисович осознал, что его ждут неприятности. А возможно, даже очень большие неприятности.

На столе у капитана Лебедкина зазвонил телефон.

Лебедкин вздохнул, отодвинул сложный график, который он вычерчивал вторую неделю на большом листе миллиметровки, и снял трубку.

— Лебедкин слушает!

— Ага, слушай, слушай! — раздался в трубке ехидный голос дежурного по отделению Коли Еропкина. — Сейчас к тебе женщина одна подойдет, вот ее и послушай. А то она мне уже все мозги вынесла, а тебе все равно нечего делать...

В первый момент Лебедкин задохнулся от возмущения, потом все же нашел в себе силы и выпалил:

— То есть как это нечего? Почему это нечего? Да если ты хочешь знать, у меня работы выше крыши...

Но было уже поздно — Еропкин повесил трубку.

Лебедкин перевел дыхание. Ну что это такое, каждый раз на него спихивают все самое неприятное...

А все этот Еропкин. Парень-то он, конечно, неплохой, однако необязательный, рассеянный и с ленцой. Сам любит по коридорам болтаться да на кофе напрашиваться. Вот и вчера зашел и занял: «Лебедкин, дай кофе, умираю, спать хочу!»

Он, Лебедкин, и сказать ничего не успел, как нахал в Дусин стол полез — у нее, мол, кофе всегда есть, и вообще сладкое. А Дуся не любит, когда в ее столе шарят, да кто такое любит-то? Еропкин залез, а попадет кому? Ему, капитану Лебедкину, поскольку Дуся хоть и хорошая баба, невредная, но очень не любит беспорядка.

В общем, Лебедкин тогда наорал на Еропкина, потому что и так настроение на нуле было после визита к начальству. А Коля, конечно, затаил на него злость, вот и прислал проблемную посетительницу.

Все знают, что у Еропкина в этом смысле глаз-алмаз, сразу видит, спокойный гражданин попался или скандальный и настырный, от которого так просто не избавиться, будет ходить и ходить, все ноги стопчет и до самого высокого начальства дойдет.

Капитан Лебедкин вздохнул тяжело и поерзал на стуле.

Тут в дверь его кабинета постучали.

Собственно, кабинет — это громко сказано. Это была маленькая, тесная и душная комнатка с единственным давно не мытым окном, и эту комнатку Петр Лебедкин делил с Дусей.

А Дуся... Дуся — это отдельная тема для разговора! Причем очень большая тема... большая во всех смыслах этого слова.

Дуся Самохвалова была напарницей Лебедкина, и все без исключения коллеги ему страшно завидовали. И тому было множество причин. Причем весьма веских.

Во-первых, у Дуси всего было много, она так себя и называла «сто килограммов женской красоты». Сто — это, конечно, шутка, преувеличение, но девяносто там точно было, а может, еще и с походом.

Дуся своего веса нисколько не стеснялась, а как раз наоборот. Все части тела у нее были под стать комплекции: глаза — как синие фарфоровые блюдца, волосы вились буйно и свободно, напоминая джунгли на Амазонке, губы полные, без всякого геля, а все тридцать два зуба сияли ослепительной белизной.

Улыбалась Дуся всегда широко и дружелюбно, и исходила от нее такая жизненная энергия, что все без исключения мужчины буквально падали на месте, увидев такое чудо природы.

Товарищи по работе, конечно, к Дусиному феномену уже привыкли, а новичков предупреждали заранее, чтобы те, встретившись с Дусей в коридоре, не застывали на месте столбом и не пялились потом вслед, пока кто-то проходящий мимо не толкнет плечом и не усмехнется: «Ну что, брат, и ты попался... Вот у нас Дуся какая...»

Вторая причина, а также третья, четвертая, пятая и так далее, по которым коллеги завидовали Лебедкину, заключалась в том, что, кроме красоты, Дуся еще была умна, коммуникабельна, обладала спокойным ровным характером и не боялась никакой работы. Словом, не напарница, а чистое золото.

Многие в отделении считали, что капитану Лебедкину незаслуженно повезло, и пытались Дусю сманить. Но Дуся, кроме всего прочего, была еще и верной.

С Лебедкиным они работали уже несколько лет, помогая и дополняя друг друга.

Как уже говорилось, мужчины Дусю обожали, женщины, как ни странно, тоже относились неплохо. Потому что Дуся никогда не говорила гадости за спиной и не отбивала чужих мужиков.

В работе со свидетелями ей не было равных, поскольку люди сами рассказывали Дусе все, что видели, и вспоминали все, что позабыли. Слушать Дуся умела.

Капитан Лебедкин поглядел на пустой Дусин стул и загрустил. Его напарница сегодня отсутствовала по причине... нет, Лебедкин такую причину принять не мог. И понять тоже.

Как уже говорилось, Дуся имела огромный успех у мужчин, которые просто не давали ей прохода. Спасало иногда удостоверение капитана полиции, отпугивало самых робких. Но далеко не всех. К тому же и сама Дуся вовсе не собиралась ограничивать свою жизнь работой. Нужно же и развлечься хоть иногда. И вот как раз напало на Дусю очередное увлечение, и она уехала с этим увлечением на выходные куда-то за город, да еще и отгулы прихватила, которые ей полагались за переработку в очередном удачно законченном деле¹.

¹ Читайте об этом в романе Н. Александровой «Камея римской куртизанки». Издательство «ЭКСМО».

Не то чтобы Петр ревновал Дусю к посторонним мужчинам, но за столько лет он так привык к ее оптимизму, к ее буйной энергии, к ее толковым советам, к ее бесценной помощи в делах, что был сегодня очень недоволен ее отсутствием.

Надо же, какой-то хмырь посмел ее куда-то увезти!

И вот теперь он, Лебедкин, сидит один как перст в этом кабинете, похожем на стенной шкаф, и некому пожаловаться на интригана Еропкина и зловредную посетительницу.

В том, что от этой визитерши у него будут большие проблемы, Лебедкин почти не сомневался.

Итак, в дверь кабинета постучали, и капитан Лебедкин мрачно проговорил:

— Войдите!

Дверь открылась. На пороге возникла особа раннего пенсионного возраста, с короткой стрижкой ярко-рыжих волос, немного отдающих в малиновый оттенок. Щеки особы тоже были малиновыми. Вообще, малиновый, судя по всему, был ее любимым цветом. Во всяком случае, на ней были вязаная кофта того же возбуждающего оттенка да еще такой же шарфик.

«Фенолфталеиновый от щелочи малиновый», — вспомнил капитан школьную присказку и поежился. У него по химии никогда не было больше тройки.

В руках особа сжимала объемистую сумку из чего-то такого, что в прошлой жизни, безо всяких на то оснований, воображало себя крокодилком. Небольшие глаза особы пылали, в них горело чув-

ство собственной значительности и непрременной правоты.

Войдя в кабинет Лебедкина, особа уселась на стул напротив капитана, положила сумку на колени, руки сложила на сумке и строго не терпящим возражений тоном отчеканила:

— Вот что хотите мне говорите, а только он ее убил!

— Кто убил? — спросил Лебедкин с безграничным, буквально ангельским терпением. — Кто убил и кого? И для начала — кто вы такая и зачем пришли в мой кабинет?

— Опять двадцать пять! — недовольно проворчала особа. — Я уже тому все сказала, и теперь снова повторять?

— Придется повторить. Ему вы, может быть, и говорили, но я пока что не в курсе.

— Значит, я — Рыжикова. Рыжикова Татьяна Степановна. Гриб такой есть — рыжик...

— При чем тут гриб? — усталым голосом переспросил Лебедкин. — Вы что, пришли о грибах говорить?

— Нет, не о грибах! — возмутилась Рыжикова. — Грибы тут ни при чем. Это я на всякий случай, если вы такой непонятливый. А пришла я заявить об убийстве...

— Об убийстве? — оживился Лебедкин. — Теперь давайте по порядку. Кого убили? Кто убил?

— Убили ее. Марианну. А убил, само собой, он... Олег, значит. Она его за мужа держала, только меня на мякине не проведешь. Не были они женаты. Вот что хотите делайте — а не были. Так, сожительствовали. Как сейчас называют — гражданский брак...

— Пойдите! — Лебедкин почувствовал, как где-то в затылке от слов Рыжиковой сгущается боль, и поднял руку. — Пойдите! Не торопитесь! Вы сказали, что убитую зовут... звали Марианной. Так и запишем. А фамилия у нее имеется?

— А как же! Фамилия у всех имеется. Вот я, к примеру, Рыжикова, а она, значит, Марианна — Ромашкина. А он, Олег — совсем наоборот, Барсуков. Так что ясно же — не были они женаты! Если бы были, у них бы одна фамилия была!

От слов Рыжиковой голова болела все сильнее. Есть такие люди — от самого их присутствия окружающим плохо становится. Их еще называют энергетическими вампирами.

У Петра Лебедкина возникло ощущение, что в комнате — не воздух, а какой-то густой, безвкусный и бесцветный кисель, от которого замедляются все движения и даже мысли.

С трудом сбросив это наваждение, он проговорил:

— А вы им кем приходитесь?

— А я им конкретно соседкой прихожусь. В соседней с ними квартире проживаю. Вот так их дверь, а вот так, значит, моя... прямо дверь в дверь, значит...

— Так вы заявляете, что конкретно видели, как гражданин Барсуков убил гражданку Ромашкину?

— Нет, чтобы видеть — нет, врать не буду. Что же он, совсем дурной — у меня на глазах ее убивать?

— Тогда вы видели ее труп?

— Чего нет — того нет!

— А тогда какие у вас основания утверждать, что он ее убил? — протянул Лебедкин и подумал,

что непременно убьет Еропкина. Стукнет по голове электрическим чайником или лампой. Если, конечно, останется жив после этого разговора.

— А основания у меня самые основательные! — отчеканила Рыжикова. — Во вторник... то есть конкретно позавчера я слышала, как они ругались. Так ругались, что не приведи господь. Буквально самыми последними словами. А в среду ее дома не было. И сегодня ее нет. Вот скажите — куда она подевалась?

— Ну, мало ли куда... — протянул Лебедкин с плохо скрытой ненавистью. — Может, в гости уехала. Или по делам каким-нибудь. Мало ли дел у человека!

При этом он очень выразительно взглянул на часы, чтобы показать, что у него как раз много дел.

— Ага, в гости, как же! — передразнила его Рыжикова, не заметив его намека или не придав ему значения. — Не видела я, чтобы она из квартиры выходила.

— Ну, мало ли что не видели! Вы что же, всегда видите, кто входит или выходит?

Рыжикова ответила ему таким выразительным взглядом, который не нуждался в пояснении. Мол, а как же? Конечно, вижу! А потом она добавила, таинственно понизив голос:

— Чтобы она выходила — это я не видела. А зато видела, как он выходил. Прошлой ночью. И тащил здоровенный черный мешок для мусора. Как раз труп в нем мог бы поместиться.

— Вы фильмы детективные любите смотреть? — спросил Лебедкин усталым голосом.

— Ну, допустим, люблю, — осторожно ответила его собеседница. — Но только я не понимаю, при чем здесь это?

— Ладно, проехали, ни при чем.

— В общем, запишите ее приметы!

Лебедкин встряхнул головой, пытаясь сбросить тяжелое, мутное оцепенение, в которое вгонял его голос Рыжиковой, открыл блокнот и начал записывать.

— Лет ей примерно тридцать пять, волосы светлые, вот такие... — Рыжикова показала рукой чуть ниже плеча.

— Вот такие... — послушно записал Лебедкин и вздрогнул, увидев написанное. — Что значит — вот такие? До плеч?

— Немножко ниже. Глаза, значит, серые, рост средний. И еще непременно запишите, что татушка у нее вот здесь... — Рыжикова показала на ногу чуть выше колена.

— Тату, расположенное в нижней части бедра... — послушно записал Лебедкин.

— Ага, тату! — в восторге повторила Рыжикова. — Роза, значит, обвитая ленточкой, и на ленточке написано не по-нашему...

— Что написано?

— Ту би ор нот ту би! Это из Шекспира! — гордо заявила Рыжикова, весьма довольная, что может блеснуть эрудицией.

— Постойте, а как же вы это разглядели? — Лебедкин поднял на Рыжикову измученный взгляд. — Это же на закрытой части тела! На невидимой посторонним!

— А чего тут разглядывать? — фыркнула свидетельница. — Это у кого закрыто, а она, Марьянка, вечно в таком коротком халате ходила, что не только тату, а нижнее белье, извиняюсь, видать! На лестницу выскочит — мусор там вынести или ко мне за солью, к примеру, — и халат вечно не застегнут, так что даже Роза Викторовна с верхнего этажа и то ей сказала: «Не простудитесь ли, Марьяночка, в такой холод полуголой на лестницу выскакивать?» Ну, это она потому сказала, что муж ее, Павел Яковлевич, как раз тут оказался и на Марьянины ноги загляделся. Ой, говорит, какая у вас татуировка интересная, только по-английски с ошибкой написано... «ор» неправильно. Марьяна тогда изогнулась — где, как... так что вообще все до самой попы видно стало. Никак не может быть, говорит, чтобы неправильно... Тут еще внук их, Данька, спустился, чтобы сумки тяжелые взять, потому что лифт не работал, вот все пешком и ходили по лестнице. Так Данька тоже на эту татушку уставился: «Точно, говорит, напарили тебя, Марьяна, в салоне этом, неправильно написали... они там все поголовно неграмотные». Тут как раз Роза Викторовна и вмешалась...

Лебедкин почувствовал, что еще слово — и он просто рухнет на пол от непрестанно усиливающейся головной боли. Или припечатает заявительницу этим вот металлическим дыроколом с Дусинога стола, ибо терпеть дальше ее голос, сыплющий незнакомыми именами, он не в состоянии.

Однако мысль о Дусе привела его в чувство, и он сумел взять себя в руки.

— Гражданка Рыжикова, давайте закругляться, — сказал он по возможности твердо. — Я вашу информацию зафиксировал и принял к сведению...

— Что значит — к сведению? А как же арестовать его? Сожителя Марьянкиного?

— Ну, это не так просто... для этого у нас нет достаточных законных оснований...

— Почему это нет, когда очень даже есть?

— Вы же сам факт убийства не видели, да?

— Ну, допустим, не видела, — неохотно призналась Рыжикова.

— И трупа как такового у нас тоже нет...

— Я же говорю — он его ночью вынес...

— Вы видели только, что он вынес мешок, а что в этом мешке было, вы не знаете...

— Ну да, а что еще он мог такое большое выносить, да еще ночью? Ясное дело — труп!

— Мало ли что... может, мусор какой-нибудь. Короче, мы не имеем никаких оснований считать, что имеет место убийство. И вы не имеете. Вы можете только заявить, что она... гражданка Ромашкина, исчезла. Так это и то непроверенные сведения. Но заявление об исчезновении человека мы можем принять только по прошествии трех суток, и только от близкого родственника, а вы ей не родственник, правда?

— Правда, — неохотно признала Рыжикова.

— Ну, вот видите!

— Ничего я не вижу! Вижу только, что вы не хотите принять меры по моему сигналу!

— Ну, я же ваше заявление записал. Больше ничего сделать не могу. Давайте ваш пропуск, я подпишу.

Рыжикова неохотно протянула ему пропуск, Лебедкин поставил на нем время и расписался. У него оставалось какое-то странное чувство незавершенности, поэтому он добавил:

— Кстати, давайте уж запишем и ваш адрес.

— Мой? Зачем это вам мой адрес? — насторожилась Рыжикова.

— Ну, то есть адрес, по которому проживала предполагаемая жертва. Марианна, да? Эта, как ее... Ромашкина.

«Как мило, — сказала бы Дуся, — фамилия такая приятная...»

— А, вот это другое дело! — оживилась Рыжикова.

Она продиктовала ему адрес и ушла, ужасно недовольная.

Лебедкин попытался вернуться к своему графику, но после визита Рыжиковой работа не шла — болела голова и перед глазами плыли разноцветные пятна. Нет, все-таки эта посетительница точно настоящий энергетический вампир. Человека чуть до сердечного приступа не довела, а сама как огурчик.

Он подумал, что хорошо бы выпить кофе, немного взбодриться, и вышел из кабинета.

Кофейный автомат стоял возле комнаты дежурного. Дверь была приоткрыта, из-за нее доносился голос Коли Еропкина.

Лебедкину захотелось немедленно высказать Коле все, что он о нем думает. Вот какого черта он прислал к нему эту Рыжикову? Ну, понятно, хотел от нее отделаться, но надо же и совесть иметь! Они же все-таки коллеги, делают одно большое общее дело, значит, не нужно друг друга подставлять...

А он, Лебедкин, наорал тогда на Колю за дело, и пускай спасибо скажет, что Дусе не станет жаловаться.

Он толкнул дверь и вошел в дежурку.

Коля разговаривал с кем-то по телефону, причем разговор был сугубо деловой.

— Что, документов при ней никаких? Вот черт! И даже одежды? Так в мешке голая и лежит? Вот зараза! Опять дохлое дело!

Подняв глаза на Лебедкина, Еропкин сделал ему знак, что занят. Лебедкин развернулся было, чтобы выйти — работает человек, незачем его отвлекать...

Коля же продолжал свой разговор:

— Неизвестный, значит, труп... ну, ты только подумай! Опять двадцать пять! Опять висяк! И никаких особых примет? А, тату есть? Ну, тату сейчас у каждого второго трупа... на нижней части бедра? Роза? Так у каждого третьего роза... сейчас уж скорее можно отсутствие тату считать особой приметой. Ладно, я все записал...

Еропкин повесил трубку и поднял глаза на Лебедкина.

Заметив странное выражение его лица, усмехнулся:

— Ну, не обижайся. Очень уж она меня достала, баба эта малиновая... А мне, между прочим, работать надо...

— А мне, значит, не надо? — машинально отбил Лебедкин, хотя мысли его были заняты другим.

— Спровадил ты ее?

— Спровадил...

— Ну и хорошо!

— Постой, а о чем это ты сейчас говорил? — Лебедкин кивнул на телефонный аппарат.

— А, это... труп неопознанный нашли в мусорном контейнере. Глухое дело — ни документов, ни одежды. Личность установить не представляется возможным.

— Ты сказал — тату на нижней части бедра?

— Ну да, тату, в виде розы... но сейчас таких тату столько... тоже вряд ли поможет ее опознать.

— Роза? А, случайно, ленточкой не обвитая?

— Обвитая. А ты почему знаешь?

— А на ленточке имеется надпись на иностранном языке?

— Имеется... — Еропкин подозрительно взглянул на коллегу.

— Ту би ор нот ту би? И слово «ор» с ошибкой написано?

— Да черт его знает! — машинально отмахнулся Еропкин и тут же опомнился. — Петька, да ты что — подслушал, что ли? Или тебе про этот труп уже рассказали? Кто это успел?

— Мне про этот труп только что рассказала та самая гражданка Рыжикова, которую мы с тобой благополучно отфутболили. Так что труп этот можно считать опознанным. Это Марианна Ромашкина, проживающая... то есть проживавшая по такому-то адресу...

— Вот черт! — изумленно ахнул Еропкин. — Интересно, эта Рыжикова уже ушла?

По закону свинства посетительница Рыжикова, плавно перешедшая в разряд свидетелей, уже ушла. Лебедкин отправился к себе, забыв выпить кофе.

Все плохо, думал он, у него, Лебедкина, сейчас, конечно, есть текущие дела, но все мелкие, незначительные, так что не миновать ему этого дела с трупом из мусорного контейнера. Снова придется иметь дело с той противной малиновой бабой-свидетельницей, а уж она обязательно выскажет ему все, что думает по поводу сотрудников полиции, которые норовят спровадить честную законопослушную гражданку, пришедшую заявить об убийстве.

И вот если бы на его месте была Дуся, то она уж сумела бы расстаться с этой самой Рыжиковой лучшими друзьями.

Но Дуси нет, она в данное время устраивает свою личную жизнь где-то далеко за городом. И телефон отключила. Да он, Лебедкин, и не стал бы ей звонить, он со своими неприятностями и сам как-нибудь разберется. Не маленький.

Что это дело сулит ему большие неприятности, Лебедкин теперь знал точно. Уверен был, что начнутся они очень скоро.

Предчувствия его не обманули, потому что через некоторое время его вызвали к начальству.

А там начальник, которого все по старой памяти считали еще новым, хотя уж прошло довольно времени с тех пор, как прежний их начальник полковник Медведкин пошел на повышение, даже не поинтересовался текущими делами капитана, а просто велел брать на себя сегодняшний труп женщины из мусорного контейнера.

— Вы ведь уже опрашивали свидетельницу? — спросил начальник, и Петр понял, что и тут без Еропкина не обошлось.

Он тихонько скрипнул зубами и молча кивнул, чтобы не выругаться вслух.

— Ну вот, вам и карты в руки, — ровным голосом сказал начальник, и Лебедкин в который раз удивился, до чего у него пустые глаза. Не от глупости пустые, а от невыразительности. Ничего нельзя было по ним прочесть, во всяком случае, он, Лебедкин, и не пытался. Может, Дуся что-то там разглядит?

Хотя Дуся тоже затруднялась с определением начальника. На нее, кстати, начальник не реагировал. Был вежлив и не настолько холоден, как остальные, а это о чем-то говорит. Так что иногда капитан Лебедкин всерьез подумывал, уж не работали им прислали вместо Медведкина. А что, в целях эксперимента... говорят же, что идут разработки искусственного интеллекта...

Ну, сами посудите, всегда в костюме и при галстуке, прическа — волосок к волоску, как будто к голове приклеенная, пиджак непременно на все пуговицы застегнутый, голос никогда не повышает, в глазах ничего не светится... — ну, вылитый робот.

Петр поделился своей идеей только с Дусей, зная, что она болтать не станет, а то и схлопотать можно от начальства-то...

— Идите, капитан, и работайте, дело это будет на особом контроле, — напутствовал его начальник, и Лебедкин, вспомнив Дусины наставления, молча вышел.

Дуся велела ему с начальством никогда не спорить, а только кивать и отвечать «так точно» и «будет сделано», а все вопросы решать потом в рабочем порядке.

— Ну что, Петя, скучаешь без Дуси? — сказала в приемной секретарша Софья Павловна, жалостливо глядя на Лебедкина.

Софья Павловна была дама суровая, и к сотрудникам относилась не слишком любезно, глядя с легким презрением на этих горластых, непричесанных и нахальных индивидуумов, однако с Дусей после некоторых событий находилась в нежнейшей дружбе¹.

И часть своих теплых чувств перенесла на капитана Лебедкина, оттого и посочувствовала сейчас ему, одинокому и неприкаянному.

— Когда она вернется-то обещала? — спросила Софья присевшего рядом Лебедкина.

— В конце недели... — вздохнул он и умял половину банана, подставленного ему Софьей Павловной.

— А ты хахаля-то ее видел? — не смогла она удержаться.

— Да видел один раз, когда он ее на машине подвозил...

— Из себя-то он какой — блондин, брюнет? — оживилась Софья Павловна.

— Блондин... — уныло ответил ей Лебедкин, — или брюнет... Да не помню я!

— Ну тогда иди, Петя, к себе! — велела Софья Павловна. — А то наш скоро на совещание в управление поедет, так чтобы тебя не увидел. Иди уж от греха...

И капитан поплелся к себе.

¹ Читайте об этом в романе Н. Александровой «Перстень Ивана Грозного». Издательство «ЭКСМО».

По дороге он позвонил в криминалистическую лабораторию, и там ему нелюбезно ответили, что трупов много и оперативников много, а экспертов мало и что ишь чего капитан захотел — подавай ему отчет о свежем жмурике буквально сегодня. Да с дубу они там все рухнули или со вчера не проспались, что такое просят? Да у нас очередь на неделю!

И так далее, только другими словами, так что капитан и слушать не стал.

По дороге он остановился у кофейного автомата, но и тут поджидало его разочарование: автомат был сломан, так что Лебедкин поплелся к себе, уныло шаркая ногами.

Жизнь казалась ему серой и безрадостной, работа — скучной, а сам он чувствовал себя старым и никому не нужным.

Он обвел взглядом крошечный кабинет и со вздохом открыл записи допроса гражданки Рыжиковой. Именно там был записан адрес потерпевшей Ромашкиной Марианны Сергеевны, а также номер квартирного телефона.

Как и ожидалось, трубку никто не снял.

Лебедкин совсем приуныл, и тут распахнулась дверь, и вошла Дуся. В кабинете сразу стало тесно, как в купе поезда дальнего следования, поскольку Дуся, как уже говорилось, была женщина, мягко говоря, в теле.

То есть в отношении Дуси никаких мягких выражений употреблять было не нужно, она своего веса нисколько не стеснялась. Больше того — рассматривала его как несомненное достоинство.

— Дуся! — Лебедкин вскочил было с места, но тут же сел обратно, поскольку Дуся заняла все свободное пространство. И несвободное тоже заняла.

— Дуся! — Теперь в голосе капитана зазвучали проникновенные нотки. — Дуся, ты вернулась! Насовсем?

— Ага! — Дуся сняла пальто и аккуратно повесила его на плечики, что болтались на гвозде, прибитом к стенке шкафа. — Насовсем!

— А-а... ведь ты же собиралась до конца недели... — пробормотал Лебедкин.

Будь на его месте Софья Павловна или любая другая женщина, она бы сразу догадалась, что расспрашивать Дусю не следует, что раз вернулся человек раньше срока, стало быть, что-то пошло не так и незачем давить на больное место. Но мужчины — существа неделикатные, так что простодушный капитан Лебедкин хоть и обрадовался Дусе, но ждал объяснений.

— Петька, не смотри на меня так умильно, как на своего кота Марсика! — рассмеялась Дуся, как уже говорилось, она всегда была весела и приветлива. Сейчас, конечно, не в таком хорошем настроении, но Лебедкин этого не заметил. — Я что — не вовремя вернулась? Я помешала каким-то твоим планам?

— Что ты! — Лебедкин прижал руки к сердцу и снова попробовал встать, но Дуся махнула рукой, чтобы не заморачивался.

— Ладно, вижу, что не отстанешь. — Дуся выставила на стол контейнер, из которого упоительно пахло выпечкой и сладким. — Быстро давай за водой, вечно у тебя чайник пустой!

Лебедкин рванул в коридор и по закону свинства столкнулся с начальником, который как раз шел к выходу.

Будь на месте нового полковник Медведкин, он бы гремел уже на все отделение, изрыгая проклятия. Но этот только бросил взгляд, и ни один мускул на лице не шевельнулся.

«Точно, робот он... — в который раз подумал Лебедкин. — Или этот, как его... андроид».

В контейнере оказались пирожки, плюшки с корицей и песочные коржики, все домашнее и дико вкусное.

— Ой, Петька, ты не поверишь! — Дуся подвинула ему бумажную тарелочку, она любила, чтобы все было аккуратно. — Такая история... самой смешно...

— Излагай! — невнятно велел Лебедкин, рот его был набит вкусностями. — По порядку...

— Значит, пригласил меня Артур, ну, ты его видел пару раз, значит, пригласил он меня с родителями своими познакомиться. Мы, говорит, уже два месяца встречаемся, нужно к делу серьезно подходить.

— Ты что — замуж собралась? — удивился Лебедкин. — Вроде я раньше за тобой такого не замечал.

— Да что ты! Нет, конечно! Тем более за Артура этого. Но интересно мне стало, потому что... вот ты видел, какая у него машина?

— Ну, видел... — вздохнул Лебедкин. — Мне, чтобы такую заиметь, пять лет работать надо, и это если не пить, не есть...

— И kota не кормить! — подтвердила Дуся. — И то не хватит. Да, так вот интересно мне стало на богатый дом посмотреть. И вообще... Тут как раз отгулы накопились, я и согласилась. Ну, поехали мы. Это в северном направлении, по трассе «Скандинавия» нужно ехать в сторону Выборга, но, не доезжая, свернуть, там дорога специально проложена в поселок. Поселок новый, все дома большие, красивые, но это я потом уж видела, а пока остановились мы у шлагбаума — там охрана, все как положено. И смотрю, выходит из будочки Витька Масляков, помнишь его? В соседнем отделении работал, лет пять как уволился.

— Помню, худущий такой, как скелет, был. У меня сто сорок рублей занял, да так и не отдал, паразит.

— Ну вот, он самый, только здорово растолстел от спокойной жизни в охране. И то сказать — сиди себе в будке, нажимай кнопку, чтобы шлагбаум поднять, а зарплата идет. Приближается, значит, Витька к машине, потому как у них порядок такой — у нового человека документы обязательно проверить. Ну, меня увидел, глаза вытаращил, рот разинул, чуть не обниматься собрался. Я ему мигаю — так сразу понял, видно, не совсем там заплесневел, выучка прежняя осталась. Ничего не сказал, паспорт унес, чтобы проверить, а когда вернул — смотрю, а там бумажка с номером телефона и написано: «На всякий случай». Может, думал, что я не просто так в гости, а под прикрытием работаю.

— А ты хахалю своему, Артурчику этому, не сказала, что в полиции работаешь?

— Да что ты, зачем мне это надо! Некоторые сразу пугаются, а на этого у меня виды были на долгосрочное знакомство. Подъехали мы к дому. Машина такая — ужас! Но красиво, сад ухоженный, прислуги всякой немерено. Машин во дворе тоже прилично стоит, гости, значит. Оказалось, у его матери день рождения, а мне Артур и не сказал ничего. Хорошо, думаю, что платье приличное взяла.

— И что дальше было? — Лебедкин ненавязчиво придвинул к себе коробку с остатками выпечки.

— Кушай, Петя, кушай! Это мне сегодня кухарка их дала. Славная женщина, печет хорошо... Ну, значит, мамаша его — это что-то. Лет ей, судя по сыночку, которому тридцать один (я паспорт видела), уж не меньше пятидесяти, а то и побольше. Но худая вся и жилистая, как пожилой страус. От фитнеса разного и всего остального. Морда вся натянутая. Меня увидела — хотела перекокситься, да никак.

— Ботокс не позволяет?

— Да там много всего... В общем, сразу ясно, что дружбы у нас с ней не получится. Однако сразу гадости она говорить не стала, зубы сжала и даже оскал какой-то из себя выдавила вроде улыбки. Ну, остальные гости на меня смотрят, перешептываются.

— А мужики к тебе как? — оживился Лебедкин.

— Да как обычно! Только какие там мужики-то... У этой мамашаи муж затюканный, бессловесный, тихо себя ведет, незаметно, еще пара-тройка таких же да дед Артура, старый совсем, в инвалидном кресле его возят. Ну, слышу я, как мамаша Артура сквозь зубы шипит: «Потом поговорим». И Артурчик сразу меньше ростом стал, скукожился весь.

А раньше все хвост распускал передо мной — я то, да я се... Ну, думаю, проведу как-нибудь времечко да и дам ему от ворот поворот. Какие мои годы, найду себе кого получше... с этим проблем не будет...

— Это точно... — Сытый и счастливый Лебедкин погладил Дусю по руке.

— А потом приезжает мамашина сестра с новым хахалем. Она мамаша и моложе-то года на два (мне Артур потом сказал), а по виду — так и на все десять. Денег много первый муж оставил, вот она их на себя любимую и тратит. Ну, тут, конечно, высшего качества все, зачем зря хаить. И бойфренд моложе ее лет на двадцать. Красавчик такой, внимательный, по ручке ее все время гладит — в общем, все ясно. К вечеру за стол позвали, речи всякие, тосты, поздравления, мамаше подарок от мужа и сына — серьги бриллиантовые, вот такие камни! — Дуся показала какие. — Красивые сережки, что и говорить, и дорогие страшно. У мамаша даже улыбка настоящая на лице прорезалась, когда серьги надела, и ботокс не сдержал. Ну, Артурчик мой сдулся, так что я решила сама развлекаться. Поела вкусно, говорила уже, что кухарка у них отлично готовит, рассмотрела картины на стенах, по дому погуляла немножко, прихожу — у них танцы. И этот сестрицын хахаль молодой уж так ее обхаживает, что даже слишком. Явно переигрывает. И перехватила я взгляд старика этого, их папаши. Вижу, что противно ему, и пробормотал он что-то похожее на «прохвост». Что ж, я тоже так посчитала, да только мое какое дело? Я — человек посторонний... Да, забыла сказать, мамашу зовут Алевтина, а сестру ее Эвелина. Я от

скуки с дедом-инвалидом парой слов перекинулась, он говорит — жена покойная так назвала, его не спросила. Значит, так вечер и прошел. Кое-кто из гостей уехал, а сестра с хахалем и мы с Артуром остались. Дом большой, роту солдат запросто разместить можно. Я с Артуром отношения выяснять не стала — и так все ясно, мамочка меня не одобрила. А он что-то пытался мямлить, да я заснула. А под утро уже просыпаюсь — что-то мне маятно.

— От еды вкусной. — Петр не удержался от ехидства.

— И вовсе нет! — удивилась Дуся. — С чего это мне от еды плохо станет? Нет, если честно, то от шампанского. Я как шампанского выпью — так икаю. А тут не удержалась, потому что какое-то дорогущее шампанское у них было... «Моэт и Шандон», вот!

— И как оно тебе?

— Да по мне-то, разницы никакой с нашим обычным! А если полусладкое, так даже лучше. Вот, значит, проснулась я и думаю, где бы водички выпить. Вышла спросонья в коридор и увидела тень какую-то, что от маминой спальни метнулась. Прислушалась — вроде все тихо. Ну, думаю, показалось со сна-то.

— Да что ты, Дуся, тебе никогда ничего не кажется!

— Угу, ну, в общем, сообразила я в ванной из крана попить, чтобы по чужому дому не шляться ночью. Утром встали к завтраку, а мамаша снова вся расфуфыренная и серьги те надела. Видно, никак не может с ними расстаться.

— Дурной тон — утром бриллианты носить! — хмыкнул Лебедкин.

— Ой, Петя, какой ты умный... Ну, мне-то что до сережек чужих. Значит, сидим, ждем, когда завтрак подадут, а сестры с хахалем нету. Потом слышим шум, стук, он на нее орет — раз так, то ты меня никогда больше не увидишь! И — на выход, и — в машину свою садится, и — ворота открыть требует! Эта Эвелина приходит вся красная, в пятнах. Что такое? Мамаша к окну подбежала, ой, говорит, уезжает... А я смотрю на серьги, и что-то мне подозрительно. Помнишь, когда в прошлом году ювелира одного... как его... Лейбовича ограбили?

— И он потом на тебя запал... по ресторанам водил, в отпуск звал вместе съездить...

— Да он старый уже, под шестьдесят ему! В общем, кое-что интересное он мне рассказал. И показал, как бриллианты от подделки отличить — прежде всего по тому, как свет в них отражается.

— У тебя, Дуся, глаз-алмаз, раз такое со стороны заметила!

— Да нет, просто такая халтурная подделка оказалась — ребенок и то заметил бы! Лейбович говорил — такие умельцы есть — нипочем простым глазом не отличить!

— Ну и что дальше было?

— А что дальше? Мамаша стала сестру утешать, а сама, вижу, злорадствует тихонько. Еще вечером я заметила, что она сестре завидует — та и молоде, и выглядит не в пример лучше, и хахаль опять же молодой-красивый. «Что, Эвелиночка, случилось, — квохчет, — ты прямо сама на себя не похожа...» Так что даже мне противно стало, хоть я тут

совсем человек посторонний... Несмотря на такое, я подседа, чтобы сережки разглядеть, и подозрения мои только усилились. С другой стороны, тот же Лейбович говорил мне, что умные-то женщины бриллианты в сейфе хранят, а носят подделки качественные. Может, думаю, мамаша тоже так делает? А потом вспомнила, что серьги эти ей только вчера подарили, так когда же она успела копию заказать? Что-то не складывается... Тут сестра ее, Эвелина, фыркнула, с места вскочила, заорала, чтобы Алька ее в покое оставила и едва по морде ей не съездила. Мамаша отскочить не успела, в общем, собрались они драться. Артур, конечно, подбежать хотел, но по дороге на меня наткнулся.

— Я себе представляю! — Лебедкин откровенно веселился.

— Не представляешь! — отмахнулась Дуся. — Короче, такое там началось, еле разняли мы их, только когда дед Артура по столу сахарницей стукнул и разбил ее на фиг.

— Соображает, значит, а ты говорила, что он инвалид!

— Так это ноги у него не ходят, а голова вроде в порядке! В общем, у младшей сестры клок волос выдран, а у мамыши серьга свалилась. Я на нее и наступила ненароком.

— И что?

— В крошку!

— Ой, не могу!

— Ага, тут мамаша было на меня заорала, а после сообразила, что что-то не то. Все же как-то в бриллиантах разбирается, знает, что ничего тверже их нету. Вторую серьгу из уха вытащила — это, го-

ворит, что такое? Да не мужу отчего-то претензии предъявляет, а старикану, папаше своему. Он и нахмуриться не успел, как я сообразила, чью тень ночью у мамашиной спальни видела. Вспомнила, что мне Витька Масляков свой номер дал, позвонила ему. «Витя, — говорю, — сделай такое одолжение, сейчас машина поедет мимо, так ты шлагбаум ненароком опусти и скажи, что сломался он. Задержи машину так ненавязчиво, дураком притворись». — «Сделаем, — говорит, — Дуся, вот как раз та машина скоро подъедет». Убрала я телефон, оглянулась, а семейка вся на меня уставилась. Я и говорю, что видела ночью, как кто-то возле спальни хозяйской ошивался. Эвелина опять орать начала и бесноваться, так что Артур с папашей едва ее удержали. А дед все понял. «Ты кого, — говорит доченьке младшей, — такая-сякая, в дом привела? Ты где его подхватила? Иначе с чего бы это он вдруг сорвался, на тебя обидевшись? От сытой жизни-то кто просто так побежит?»

— Здраво дед рассуждает, все сразу просек, даром что инвалид...

— Ага, но тут я вмешалась: «Потом, — говорю, — разбираться станете, а сейчас как бы не упустить ворюгу, что сережки подменил». Тут мамаша вступила. «А не ты ли сама все задумала, — спрашивает, — мы тебя знать не знаем, только ради сына в дом и пустили».

— Так и сказала? — ахнул Лебедкин. — Ну и ну!

— Ну, пришлось тогда им удостоверение предъявить, мамаша прямо синяя вся стала. А папаша — в машину, Артура с собой, и я еще с ними. Доехали быстро, папаша тихий-тихий, а просто асом оказал-

ся, ну дорога-то у них отличная. На выезде скандал: этот прохвост кричит, чтобы открывали немедленно, а Витька отлаивается. Прихватили мы его, я — удостоверение в нос, он тут же и спекся. Вообще, таким трусом оказался, если бы посмелее был да порешительнее, то снес бы шлагбаум напрочь да и уехал, пока мы не подоспели. А он не решился. Ну, дальше все просто, нашли у него сережки те, он тут же признался, что его наняли специально для этого. Он, значит, познакомился с этой дурой Эвелиной, а про нее все знают, что она до молодых парней охоча, она его в дом сестры и привела. Он ночью сережки подменил на копию, понятия не имел, что мамаша их с утра наденет. А сам притворился, что обиделся, да и уехал. Раньше никак не мог, у них, видишь ли, ночью шлагбаум запирают, просто так не откроют, если только по срочной надобности: «Скорая» там или, не дай бог, пожар. А днем выезжающих не проверяют. Ну, привезли мы его в дом, а там семейка уже круговую оборону заняла. Мамаша на пороге стоит, руки на груди сложила вот так. «Мы, — говорит, — вам, конечно, очень благодарны, но дальше все сами решим». Да мне-то что, сами так сами. «Ну, — говорю, — тогда я уж поеду, только вещи соберу». — «Это, — говорит, — горничная все сделает». Артур как мамашу увидел — так сразу испарился, как не было его.

— Паршивец какой! И даже спасибо тебе не сказали?

— Не-а, а я чувствую — есть хочу, умираю прямо! Завтрака-то так и не дали. Пока ждала сумку, кофе на кухне напилась, да кухарка еще с собой вот это дала... — Дуся посмотрела на опустевший

контейнер, — а потом Витька звонит: «Я как раз со смены, тебя подвезти?» — «А как же, — говорю, — как раз ты вовремя». Ну и вот, решила на работу с полдня выйти, чего отгулу-то пропадать...

— Ну, отдохнула ты по полной программе! — веселился Лебедкин. — Надолго запомнишь богатеньких этих!

— Да брось ты, нечего там вспоминать! — отмахнулась Дуся. — Так что давай излагай свои новости!

И капитан выложил ей все: про коварного интригана Еропкина, про малиновую свидетельницу, про найденный труп в мусорном контейнере и про то, что дело это поручили как раз ему, Лебедкину.

— Ну, Петька, оставить тебя на пару дней нельзя! — рассмеялась Дуся. — А что ты так расстраиваешься? Судя по всему, муж ее прикончил, значит — дело быстро закроем.

Она позвонила экспертам и тут же договорилась насчет опознания трупа, найденного в мусорном контейнере.

Лебедкин привычно поразился, как быстро у нее все получилось.

— Давай, Петя, звони, может, он дома... а нет, то я мобильный его быстро выясню!

Как обычно, в присутствии Дуси Лебедкину дышалось легко, как после грозы. И небольшая частичка ее жизненной энергии передалась ему. Поэтому он на всякий случай набрал номер домашнего телефона предполагаемой покойницы Ромашкиной.

Из трубки понеслись длинные гудки, и капитан уже хотел ее повесить, как вдруг раздался щелчок, и мужской голос проговорил:

— Слушаю!

— Гражданин Барсуков? — осведомился Лебедин, придав своему голосу служебную твердость.

— Ну, я... — опасливо признались в трубке, — а это кто? Если это опять стоматология, я буду жаловаться...

— Нет, это не стоматология! Это капитан Лебедин, полиция!

В трубке испуганно хрюкнули, затем, после небольшой паузы, тот же голос проговорил:

— Правда, что ли?

— У меня шутить с вами, гражданин Барсуков, нет ни времени, ни настроения, ни желания! — отчеканил капитан под одобрительным взглядом Дуси.

— А... по какому поводу вы мне звоните?

— По самому серьезному. Скажите, гражданин Барсуков, где сейчас находится ваша жена Марианна Ромашкина?

— Кто? Марианна? Да она мне вовсе не жена! Мы с ней не расписаны! Если она вам так сказала...

— Жена, или не жена, или просто сожительница — это меня в данный момент не интересует. Ответьте на мой вопрос! Где сейчас гражданка Ромашкина?

— Она... она сейчас у своей родни в Новоржеве... так она мне сказала...

— А по нашим сведениям, все не так. Нами обнаружен неопознанный женский труп, и у нас есть основания полагать, что это Марианна Ромашкина. Жена она вам или не жена — это к делу не относится. Вы должны немедленно явиться к нам в отделение на опознание этого трупа.

— Опо... что? — испуганно переспросил собеседник.

— Оpozнание! — отчеканил Лебедкин.

— Но я... не могу... как это вдруг сразу... и вообще, почему опознание, зачем опознание, я же сказал — она уехала!

— Очень хорошо! Тогда я сейчас же высылаю к вам опергруппу, и вас силой доставят на опознание!

Разумеется, Лебедкин блефовал, кто бы ему дал опергруппу. Но Барсуков был здорово напуган, что, несомненно, говорило о том, что совесть его нечиста.

И угроза сработала.

— Не надо опергруппу! — пролепетал Барсуков. — Я приеду... сейчас же... скажите только адрес...

Лебедкин продиктовал ему адрес отделения и спустился на вахту, чтобы встретить Барсукова и проводить его в полицейский морг.

Дуся же решила пока сбегать к Софье Павловне, чтобы поделиться своими приключениями, а то та небось умирает там в приемной от любопытства. Вездесущий Еропкин наверняка уже донес, что она вернулась раньше времени, Дуся его в коридоре встретила.

Однако доверительной беседы не получилось, поскольку в приемной толкался народ, и Софья сделала страшные глаза: «Наш, мол, из управления вернулся недовольный, видно, там снова что-то придумали, так что не до разговоров сейчас». И Дуся пошла за Петькой.

Барсуков не заставил себя долго ждать и уже через полчаса появился в отделении. Он был бледен,

как изголодавшееся привидение, однако при виде Дуси заметно оживился.

«Ну, кто бы сомневался, — хмыкнул про себя Лебедкин, — при виде нашей Дуси мертвый из гроба встанет».

На первый взгляд гражданин Барсуков был ничем не примечателен, обычный мужчина среднего роста, средней комплекции, однако зоркие Дусины глаза уловили необычайную аккуратность, с которой Барсуков был одет. Не то чтобы щегольски или дорого, а просто очень чисто.

И Дуся тут же поняла, что именно эта черта в характере Барсукова главная, то есть выглядеть всегда прилично, и что вовсе не покойная Марьяна Ромашкина за этим следила, а он сам. Потому что даже в таком испуганном состоянии не поленился Барсуков достать из шкафа чистую рубашку, и костюм на все пуговицы застегнут, и ботинки чистые.

Лебедкин проверил его документы и повел Барсукова в подвал.

В этом подвале распоряжался старший судмедэксперт Данилов, но сейчас его не было на рабочем месте, и посетителей встретил практикант Сеня. Он проводил Лебедкина со спутниками в помещение морга, выкатил стол на колесиках и откинул край простыни.

На каталке лежала мертвая женщина.

Барсуков опасливо приблизился к ней. В лице у него не было ни кровинки.

Участливый Сеня взглянул на Лебедкина и вполголоса спросил:

— Может, гражданину нашатырного спирта дать?

— Обойдется! — строго проговорил Лебедкин и повернулся к Барсукову: — Гражданин Барсуков, узнаете ли вы потерпевшую?

— Да... — выдавил тот, взяв себя в руки. — Это... это она, это... Марианна...

Практикант накрыл труп простыней.

Лебедкин вывел Барсукова на лестницу.

Тот перевел дыхание, быстро оглянулся на дверь покойницей и дрожащим голосом спросил:

— Теперь... после опознания... я могу идти домой?

— Сможете, когда ответите на несколько вопросов!

— Ка... каких вопросов?

— Ну, не на лестнице же мы будем разговаривать!

Все трое поднялись в кабинет, который Лебедкин делил с Дусей. Капитан сел за свой стол, Дуся — за свой, Барсукову указали на свободное место.

— Итак, гражданин Барсуков, — начал Петя, — когда вы последний раз видели Марианну Ромашкину?

— Поза... позавчера, — ответил тот неуверенно. — Перед отъездом. Мы попрощались, и я...

— Перед отъездом? — удивленно переспросил Лебедкин и переглянулся с Дусей. — Перед каким отъездом?

— Я позавчера вечером уехал в Москву, в командировку. Сделал там все намеченные дела и на следующий день поздно вечером вернулся... на вечернем «Сапсане».

— У вас есть подтверждающие это документы?

— Да, конечно... вот билет туда, вот — обратно... — Барсуков достал из бумажника аккуратно сложенные билеты. — Можете проверить также в фирме, куда меня командировали...

— Проверим, непременно проверим! — Лебедкин забарабанил пальцами по столу, переглянулся с Дусей.

Дело на глазах усложнялось. Если Барсуков действительно был накануне в Москве, значит... да ничего это не значит, просто временные рамки сужаются.

Однако Лебедкина кольнуло неприятное предчувствие.

Дуся почувствовала его настроение и пришла на помощь своему напарнику:

— Значит, вчера поздно вечером вы вернулись из Москвы. Марианны дома не было. Вас это не насторожило?

— Ну... нет. Она мне еще раньше говорила, что хочет проведать родню. Вот я и подумал, что она уехала в Новоржев.

— Подумали, значит... и легли спать?

— Ну да... — Барсуков опасливо взглянул на Лебедкина, который продолжил допрос.

— И хорошо спали? Никуда не выходили?

— Нет... куда мне было выходить?

— Вы мне скажите.

— Да никуда я не выходил!

— А вот у нас есть свидетель, который утверждает, что вы выходили ночью из своей квартиры. И несли при этом черный мешок... причем большой и тяжелый.

— Свидетель? Какой свидетель?

— Ну, это я вам не обязан говорить.

— Да знаю я вашего свидетеля! Это небось соседка, ведьма такая... вечно она в чужие дела лезет!

— Так все же — выходили вы в ту ночь из своей квартиры или не выходили?

— Не выходил... то есть выходил. Мусор вынес. Очень много мусора накопилось, вот я и вынес. Хотел в квартире порядок навести.

— Ночью? До утра никак было не подождать?

— Ну да... ночью... мне не спалось...

— Но мешок был такой огромный, что в нем вполне мог поместиться труп!

— Нет... не было в нем никакого трупа...

Барсуков то краснел, то бледнел. Глаза его бежали, руки тряслись.

Внезапно Дуся поднялась, подошла к нему и проговорила обманчиво мягким голосом:

— Олег Владимирович, дорогой, ну расскажите, как все было на самом деле! Ведь вам самому легче станет! Вон вы до чего дошли, смотреть невозможно! И знаете, что я вам скажу? Мне очень не нравится, когда мужчины врут!

Последние слова Дуся выкрикнула резко, как хлыстом ударила, и глаза ее при этом полыхнули синим пламенем. Даже обстрелянный капитан Лебедкин от такой метаморфозы своей верной напарницы вздрогнул и передернулся.

Барсуков повернулся к Дусе — и вдруг разрыдался.

— Я ее не убивал! — проговорил он сквозь слезы.

Дуся подала ему стопку бумажных салфеток и прежним мягким голосом произнесла:

— Ну, ну, хватит рыдать, вы же мужчина! Расскажите нам правду — и вы станете гораздо симпатичнее! Да вам и самому полегчает!

— Думаете, симпатичнее? Думаете, полегчает? — Барсуков вытер глаза, высморкался и доверчиво взглянул на Дусю, после чего слова полились из него неудержимым потоком: — Я ее не убивал! Честное слово! Когда я уходил на вокзал, она была в полном порядке!

— А когда вернулись из Москвы? — вкрадчивым тоном проговорил Лебедкин.

— А когда вернулся... — Барсуков снова опустил глаза.

— Только правду! — напомнила ему Дуся.

— Когда вернулся... она лежала на полу мертвая. И уже даже остыла. Я так испугался... подумал, что в этом обвинят меня.

— Почему же вы так подумали?

— Ну, всегда ведь в первую очередь подозревают мужа или любовника. Кроме того, мы с ней...

Он замолчал, опустив глаза.

— Ну, договаривайте же! — поторопила его Дуся. — Вы с ней...

— Мы с ней ссорились перед моим отъездом. И я ее даже ударил... совсем не сильно, но все же...

— Вот это мне совсем не нравится! — Дуся помрачнела. — Мужчина, который может ударить женщину, — это не мужчина!

— Но я же не сильно...

— Тем не менее!

— Ладно, — вмешался Лебедкин, — что было дальше? Значит, вы испугались...

— Да, испугался. И подумал, что нужно в первую очередь избавиться от тела. К счастью, я нашел в кладовке большой мешок...

— Да уж, к счастью! — повторил за ним Лебедин, но тут же замолчал под строгим взглядом Дуси.

— Ну да... положил ее в мешок и вынес из квартиры. Выходит, эта рыжая ведьма видела, как я его выносил... очень тяжело было, между прочим.

— Весьма сочувствую! — хмыкнул Лебедин, но Барсуков, по-видимому, не заметил сарказма в его реплике.

— Да, еле дотащил! Хорошо, что лифт работал, а то прямо не знаю, как бы я справился! Всегда ей говорил, что худеть надо. На улице никого не было, и я дотащил мешок до соседнего дома. Дальше уже сил не хватило. Ну и бросил в мусорный контейнер...

Лебедин аккуратно записал последние слова Барсукова, дал ему подписать протокол.

Поставив внизу листа подпись, Барсуков поднял глаза на капитана, потом перевел взгляд на Дусю.

— А вы знаете, мне и правда стало легче! Как будто камень с души свалился! Ну, теперь я могу идти?

— Да что вы? — Лебедин изобразил удивление. — Теперь мы вас отведем в камеру.

— Как — в камеру? Я ведь вам все честно рассказал!

— Мы это непременно учтем, не сомневайтесь. Но даже если ваш рассказ правдив — он подпадает под несколько статей Уголовного кодекса. Найдя гражданку Ромашкину, вы не вызвали ни «Скорую», ни полицию, избавились от ее тела...

— Какую «Скорую»? Она ведь была давно мертва!

— А вы что, Барсуков, врач? Вы что, можете достоверно установить факт смерти?

— Да тут и врачом быть не надо!

— Короче, сейчас вы пойдете в камеру, а завтра мы продолжим разговор!

Барсуков очень выразительно взглянул на Дусю, но та отвела взгляд.

На следующее утро, прежде чем явиться на работу, капитан Лебедкин позвонил в дверь бдительной гражданки Рыжиковой. Всю ночь ему не давала покоя мысль об отъезде Барсукова в командировку, интуиция говорила ему, что в этом и зарыта собака.

Лебедкин снова нажал на звонок.

За дверью послышались шаркающие шаги, и немного невнятный голос проговорил:

— Фто там? Это ты, Липа, в такую рань?

— Откройте, Татьяна Степановна! Это капитан Лебедкин! Мы с вами в отделении полиции разговаривали!

Замок шелкнул, дверь открылась. На пороге стояла неподражаемая гражданка Рыжикова, облаченная, разумеется, в малиновый шелковый халат с золотыми разводами.

Она проговорила, стыдливо прикрывая ладонью рот и сильно шепелявя:

— Это вы, товарифь капитан... а я вас не фдала так рано... подождите минутку, я сейфас...

— Что? — переспросил Лебедкин. — Ах, сейчас...

Рыжикова метнулась в ванную комнату и почти сразу вернулась, гордо шелкая зубами и больше не

закрывая лицо. Капитан понял, что она вставила зубной протез.

— Да, так извините, что я так рано, — начал Лебедкин. — Я к вам до работы...

— Это ничего. — Глаза Рыжиковой радостно блестели. — Вы ведь его все-таки арестовали!

Эти слова прозвучали не как вопрос, а как утверждение, и Лебедкин подумал, откуда эта особа все так быстро узнала.

— Ну, во-первых, я хотел поблагодарить вас за бдительность, — проговорил он довольно кислым тоном. — А кроме того, я хотел задать вам еще несколько вопросов...

— Это пожалуйста, это я всегда! Это мой гражданский долг! Только что же мы в прихожей-то стоим, пойдемте хоть на кухню. Я вас чаем напою. Хотите чаю?

— Хочу, — признался Лебедкин.

Он подумал, что за чаем разговор пойдет легче. Кроме того, он не успел сегодня позавтракать.

Кухня у Татьяны Степановны была довольно тесная. Капитан кое-как примостился за столом, хозяйка разместилась напротив него и проговорила восторженным тоном:

— Вот говорила же я вам, что он ее убил! Так по моему и получилось. Я все тут вижу и слышу, мимо меня никто не пройдет! Даже муха, как говорится. И как ссорились они, я слышала... и даже как он к ней руку приложил... так что вы, главное, ко мне прислушайтесь! Мои слова самые надежные!

— Да? — перебил ее Лебедкин язвительно. — А как же вы не услышали, что Барсуков после этой ссоры уехал?

— Что?! — Рыжикова опешила, растерянно хлопала глазами и уставилась на капитана. — Как уехал? Куда уехал? Почему уехал? Не может такого быть!

— А вот и может! Он тем же вечером уехал в Москву в командировку. И билет у него имеется, и с московской фирмой мы уже созвонились, они его слова подтвердили. Утром приехал, все свои дела переделал и в тот же день вернулся вечерним «Сапсаном». Так что не все вы замечаете, Татьяна Степановна!

— Ох, неужели прозевала? — расстроилась хозяйка.

Чтобы загладить свой промах, она налила капитану чаю и поставила перед ним тарелку с плюшками.

Голодный Лебедин взял одну, вонзил в нее зубы и расстроился — плюшки были черствые. И вообще невкусные, пахли несвежим маслом, и корицы в них положить явно пожалели. Вот вчера Дуся принесла выпечку! Да, не всегда богатые плачут, если такие плюшки каждый день есть можно...

— Это все потому, — продолжила Рыжикова, подперев щеку кулаком, — что племянница мне позвонила, Дарья... минут сорок мы с ней проговорили... вечно она не вовремя звонит! Про здоровье мое расспрашивала, а это долгий разговор. Двумя словами тут не отделаешься. Так что виновата, может, и пропустила я, как он ушел. Но остальное все я точно расслышала — и как ругались они, и даже как он ей по лицу припечатал...

— Ну, это-то как вы могли расслышать? Что конкретно по лицу? Или вы, извиняюсь, подгля-

дывали? — Лебедкин обрадовался, что можно отложить плюшку.

— Ну, мне просто обидно слышать от вас такие слова! У меня в жизни такой привычки не было, чтобы подглядывать! Если случайно что увижу — это бывает, так ведь это совсем другое дело, а чтобы подглядывать — такого никогда не было!

Лебедкин уже утомился от ее болтовни, но он все же хотел вычленить из нее какой-то смысл, поэтому продолжил:

— А если вы не подглядывали, откуда же знаете, что он ее ударил и что именно по лицу?

— Что ударил — это слышно было: она, Марьяна, вскрикнула, а потом звук такой был, как будто упало что-то. Или кто-то. А кто мог упасть, кроме нее? Или, наоборот, сперва упала, а потом вскрикнула... вот точно не могу вспомнить. А что он ее именно по лицу ударил — это я на следующий день увидела...

— Как это? — насторожился Лебедкин.

— Да как? Обыкновенно. Я на следующий день кофту хотела постирать. У меня такая кофта хорошая есть, малиновая...

— Кто бы сомневался!

— Хорошая, только линючая очень. Если ее стирать, непременно потом нужно в уксусе прополоскать, чтобы не полиняла. А я хватилась — уксуса-то в доме и нет! Ни капли! Ну, тогда и пошла к Марьяне — может, думаю, у нее есть.

— И что?

— Ну, она мне открыла — а сама лицо платком прикрывает. Но я все равно разглядела — синяк у нее под глазом. И на щеку спускается. Так что